

Г. Брутян

Алогизм англо-американских прагматистов на службе империалистической реакции

Заправили американо-английского агрессивного блока, ведя политику развязывания новой мировой войны, помимо мероприятий военно-стратегического, экономического характера, усиленно прибегают к идеологическому одурманиванию широких слоев народов.

В деле идеологической подготовки новой войны усердно действуют философствующие оруженосцы американо-английского империализма. Наряду с другими средствами одурманивания сознания народов дипломированные лакеи Уолл-стрита с философских кафедр учебных заведений англо-американских стран широко проповедают иррационализм, алогизм, безоговорочный отказ от логического мышления.

Проповедь алогизма не является, конечно, продуктом «чисто теоретических» умствований «профессоров» из англо-американских университетов. Наоборот, она является политическим заданием правящих кругов американо-английского блока и непосредственным образом выступает как теоретическое «обоснование» тех многочисленных софизмов, к которым так часто вынуждены прибегать политики и дипломаты агрессивного американо-английского блока.

В самом деле, если проследить ход многочисленных дипломатических совещаний в наши дни, легко увидеть, что во всех случаях, когда дипломаты американо-английского лагеря под страхом развертывающегося все шире и шире движения сторонников мира хотят выдать себя защитниками мира и прогресса, выдать черное за белое, они неминуемо прибегают к самым низкопробным софизмам.

На сессиях Организации Объединенных Наций, Совета министров иностранных дел и на других дипломатических совещаниях советским дипломатам не раз приходилось отмечать, что дипломаты американо-английского блока оперируют софистикой. Министр иностранных дел Советского Союза А. Я. Вышинский, разоблачая один из софизмов дипломатов американо-английского блока, отметил: «Дальше такого рода софизмов итти, конечно, некуда, хотя я знаю, что есть охотники доходить до геркулесовых столбов такой софистики»¹.

Вполне естественно, закономерно и неизбежно, что в своих софистических ухищрениях дипломаты американо-английского лагеря нарушают самые элементарные законы и правила логического мышления. Советскими дипломатами не один десяток раз было отмечено, что дипломаты

¹ «Внешняя политика Советского Союза, 1948 год», часть I. Госполитиздат, 1950, стр. 327.

американо-английского блока мало заботятся о логике и здравом смысле, выступают в противоречие с элементарной логикой, что в их аргументациях нет даже формальной логики, что они пытаются доказать свои тезисы, лишь насилуя факты и логику.

То, что на практике делают дипломаты и политики американо-английского блока, в теории «обосновывается» их дипломированными лакеями. Если заправила американо-английского империализма в своих софистических ухищрениях вынуждены нарушать самые элементарные нормы логического мышления, то отказ от логики, алогизм, становится господствующим направлением в англо-американской философии.

В этом вопросе правомерна полная аналогия с международным правом, постоянное нарушение которого со стороны международников-практиков американо-английского блока теоретически «обосновывается» и оправдывается американо-английскими международниками-теоретиками. Как весьма убедительно показал акад. А. Я. Вышинский в своей работе «Международное право и международная организация», юридической базой оправдания всяких нарушений норм международного права со стороны американо-английских международников-практиков является не что иное, как теоретическое узаконение бесправия, хотя и это бесправие международники-теоретики преподносят как «прогрессивное развитие» международного права.

Подобно тому, как англо-американские международники-юристы, узаконив всякое бесправие, создают юридическую базу для нарушения норм международного права со стороны дипломатов американо-английского блока, философские прислужники американо-английского капитала, проповедуя отказ от логики, интуитивизм, алогизм, этим самым пытаются теоретически «обосновать», оправдать многочисленные нарушения самых элементарных правил и законов логики, бесконечные софистические ухищрения со стороны дипломатов американо-английского агрессивного блока. Суть дела вовсе не меняется от того, что философские мракобесы американско-английской империалистической реакции свой фактический отказ от логики, свой поход против логического мышления преподносят под вычурными названиями вроде «инструментальная логика» (Дьюи), «волюнтаристическая логика» и «персоналистическая логика» (Шиллер) и т. д., как и не меняется суть в том случае, когда американо-английские международники-теоретики, узаконив бесправие в качестве юридической базы для нарушения всяких норм международного права, преподносят это бесправие под названием «прогрессивного развития» международного права.

Алогизм во всех своих разновидностях тесно связан с прагматизмом—признанной философией империалистической реакции. Борьбу против логики считали своим долгом основатели прагматизма У. Джемс, Ф. Шиллер и Дж. Дьюи. Правда, алогизм у этих столпов реакционной американской идеологии проявляется в разных формах. Одни из них, как Джемс и Шиллер, прямо и безоговорочно отрицают логику, интеллектуализм (а последний в своих работах предлагает даже целую

«теорию» алогизма), — другие, как Дьюи, то же самое делают в завуалированной форме. Все они в своих многочисленных «трудах» по логике не оставляют камня на камне в ней.

Джемс, самый откровенный из трех основателей прагматизма, отказывается от логики, интеллектуализма без всяких оговорок и маскировок. «Я счел себя в конце концов вынужденным отказаться от логики, — пишет он, — отказаться от нее открыто, честно и раз навсегда»¹. В отличие от Шиллера, который свою борьбу против логики выдает главным образом за борьбу против формальной логики, Джемс одинаково отрицает как «логику тождества», на которой, по его словам, со времен Аристотеля воспитывалась Европа, так и диалектическую логику. Страшась всякого упоминания о логике, в какой форме она ни была проявлена, Джемс выражает сожаление о том, что Гегель назвал свой метод логическим. Все безоговорочное отрицание значения логики Джемс выражает с помощью парадоксальной эпиграммы Честертона: «Единственная вещь, лишаящая человека рассудка, — это логика». Джемс пытается вообще отрицать способность людей отражать действительность посредством мышления. С помощью разных манипуляций извращая роль логических категорий в процессе познания, Джемс громогласно заявляет, что «...интеллектуализм быстро разрушается» (*intellectualism quickly breaks down*)².

Второй из основателей прагматизма — Ф. Шиллер — свой поход против интеллектуализма, против логического мышления начинает с «уничтожения» формальной логики. У Шиллера — большое количество работ, посвященных формальной логике, и во всех этих работах красной нитью проводится мысль, что «формальная логика — чепуха (*nonsense*), что необходимо выбросить формальную логику, как побочный продукт развития знания. В своей объемистой книге «Формальная логика» Шиллер рассматривает предмет и значение формальной логики не только как научную проблему, но и как социальную, и пытается доказать, что как с той, так и с другой точек зрения формальная логика является бессмысленной лженаукой и необходимо ее уничтожить.

Между тем классиками марксизма-ленинизма доказано, что формальная логика не является бессмыслицей, чепухой, что она свое истинное значение приобретает только в свете материалистической диалектики. Что же касается диалектики, то от нее Шиллер также створачивается, как и от формальной логики, ведь обе они непримиримы с иррационализмом. Поэтому Шиллер с большей горечью отмечает, что «в настоящее время почти все логики являются диалектиками». И немного дальше: «Этот последний факт является курьезным и в значительной степени объясняет успех формальной логики»³.

¹ У. Джемс, Вселенная с плюралистической точки зрения, М., 1911, стр. 117.

² W. James, *Some Problems of Philosophy*, p. 84, London—New York, 1940.

³ F. C. S. Schiller, *Formal Logic. A Scientific and Social Problem*, p. X, London, 1912.

Рассматривая формальную логику как социальную проблему, Шиллер считает, что презирать формальную логику мало, ее нужно бояться из-за ее громадного влияния на человеческое мышление и социальную деятельность.

Одним из пагубных последствий формальной логики, по Шиллеру, является то, что она стоит за «логическую необходимость» и требует ее всюду. В формальной логике «вывод» является «логически необходимым», все доказательства—«принудительными»,—пишет Шиллер и отсюда делает вывод, что цель формальной логики—«терроризировать, а не прельщать». По Шиллеру, приняв логическую необходимость, мы устанавливаем истину, опираясь на силу разума, вопреки «сопротивляющейся и мучающейся душе», которой приятно признать за истину то, что является желательным.

«Логическая необходимость» имеет, по Шиллеру, и другие пагубные последствия. Формальная логика со своей «логической необходимостью» воспитывает робость в мышлении, «трусливое избегание риска». «Логическая необходимость» является врагом риска, между тем как все в мире, начиная «...с сельского хозяйства, которое является спекуляцией,—пишет Шиллер,—до брака, который является делом случая, требует, чтобы мы рисковали». Надо выбросить всякую логическую необходимость и поощрять риск, авантюризм дельцов,—требуется Шиллер.

Но этим, по мнению Шиллера,—этого дельца и спекулянта в философии,—не кончаются «ужасные» последствия формальной логики. Оказывается, что формальная логика имеет огромное пагубное влияние также и на религию. «Не было бы преувеличением сказать,—пишет Шиллер,—что значительная часть наилучшей человеческой мысли глубоко отделена от религии, благодаря пагубному влиянию формальной логики». По этому поводу у Шиллера имеется лишь одно утешение. Это—«счастливая нелогичность англо-саксонского ума», благодаря чему он был в стороне от ошибочного понимания «истинного назначения и жизненной ценности религии».

Итак, логика отбрасывается потому, что с нею, с разумом несовместимы обман, авантюризм дельцов, религия. В этом классовый смысл похода английского прагматиста Шиллера против логики.

В своей книге «Формальная логика» Шиллер приходит к выводу, что для науки не существует проблемы формальной логики в том смысле, что теоретическая несостоятельность ее якобы доказана. Но она продолжает оставаться как социальная проблема. Здесь задача государственных деятелей, по мнению Шиллера, состоит в том, чтобы отказаться от применения логики. И спустя двадцать лет после издания названной выше книги Шиллер в другой своей книге («Logic for Use») с безудержной радостью сообщает, как гневно ругал логику сам президент Соединенных Штатов Америки Вильсон. «Когда логика мешает исполнению желаний людей, то они не поддаются логике, а выходят из себя и ругают логику,

как президент Вильсон в известном случае»¹. Далее Шиллер приводит описание этого «известного случая» из книги Кейнса «Ревизия договора»^{*}.

Ныне особенно не любят «возиться» с логикой как соотечественники президента Вильсона из госдепартамента, так и их английские коллеги из лондонского форейн оффиса, хотя нередко они и делают обиженный вид, когда их обличают в нелогичности. В этом отношении интересен следующий эпизод из современной дипломатической практики.

На одном из заседаний комиссии по вопросам процедуры Парижской мирной конференции 1946 года советские дипломаты уличили английского представителя Макнейля в явной нелогичности. Макнейлу это не пришлось по душе. Он начал всячески оправдываться и заявил, что «он мог бы понять, если бы его, как шотландца, упрекнули в лености, но обвинение в нелогичности он не может принять, считая его чрезмерно тяжким»².

Однако весьма характерно, что, будучи неоднократно разоблаченным в софистических аргументациях, Макнейл в конце концов, уже через два года, в 1948 г., на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН вынужден был открыто и без всяких оговорок признаться, что он «не в ладах с логикой».

С логикой, с мышлением с неменьшим пылом, но иногда в завуалированной форме, борется и другой основатель прагматизма, один из столпов современной реакционной философии в Соединенных Штатах Америки Джон Дьюи. По мнению Дьюи, человек начинает мыслить лишь тогда, когда находится в положении, которое является «двойственным, представляет дилемму, предлагает альтернативы». «Мышление,—пишет он в „How We Think“,—возникает при каком-либо недоумении, смущении или сомнении».

По его мнению, человек благодаря мысли отличается от животных, которые подчиняются лишь своим инстинктам. В то же время, благодаря той же мысли, он способен пасть настолько низко, опуститься до такого состояния, до которого не может дойти животное, ограниченное инстинктом. Дьюи хотелось бы, чтобы простые люди не мыслили, а действовали инстинктом, как животные, покорные империалистическим хозяевам.

Поход против логического мышления в той или иной форме свойственен всей современной буржуазной философии. Один из главарей неомарксистского «Венского кружка», проповедник семантического идеализма Рудольф Карнап, провозглашает произвол, анархию в мышлении. Идеалистически отождествляя язык с мышлением, грамматический строй

¹ F. C. S. Schiller, *Logic for Use. An Introduction to the Voluntarist Theory of Knowledge*, New York, 1930, p. 5.

* Кейнс описывает в своей книге случай, когда американские делегаты при рассмотрении Версальского договора возражали президенту Вильсону, что включение пенсий противоречит всякой логике. Вильсон вышел из себя. «Логика! логика!»,—воскликнул президент.—Я не должен нянчиться с логикой. Я собираюсь вводить пенсии».

² Газ. «Известия» от 4 августа 1946 г.

языка с логическим строем мышления, Карнап заявляет, что каждый человек может произвольно, по своему собственному усмотрению, создать для себя свою форму языка и логики.

Американский логик М. Коен пытается оправдать нарушение правил и законов логики со стороны говорящих на английском языке самой структурой английского языка (!). «Грамматика наиболее развитых языков, как английский, греческий или латинский,—пишет он,—изобилует нелогическими соображениями, которые иногда приводят к результатам, противоречащим логике»¹.

Можно привести еще много аналогичных высказываний из писаний современных англо-американских философов. Но и этого достаточно. Как две капли воды похожи друг на друга их рассуждения по данному вопросу. Только чем «крупнее» мыслитель в современной англо-американской реакционной философии, тем он яростнее нападает на логику, на разум, на мышление, на мысль. Вот поистине философия без мысли!

* * *

Не всегда и не все апологеты англо-американской философской реакции довольствуются только декларативным «уничтожением» логики, интеллектуализма, мышления. Некоторые из них (и в этом отношении особенно настойчив Шиллер) для теоретического обоснования «уничтожения» логики пытаются приводить аргументы против познавательного значения основных категорий логики.

Наиболее сильным нападкам со стороны представителей разных течений алогизма подвергаются категория абстракции и понятие, как форма абстрактного мышления.

Еще У. Джемс считал, что если удастся подвергнуть уничтожающей критике понятие, то ничего не останется от самой логики. Он пытался доказать, что понятие не только не отражает действительности, но и фальсифицирует ее. Отсюда Джемс приходит к выводу, что пользование понятиями вовсе не является «необходимым в жизни». Такого рода разглагольствованием Джемс стремился принизить, больше того, по существу отрицать роль логической ступени в процессе познания, этой высшей формы отражения объективной действительности. С этой целью Джемс иногда прибегает и к некоторым «аргументам».

Ненужность логического мышления, основанного на понятиях, Джемс «мотивирует» тем, что понятия якобы статичны и не могут выразить динамическое состояние воспринимаемых нами явлений.

Марксистская диалектика до конца разоблачает эти антинаучные вымыслы философствующих лакеев империализма. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин пишет, что «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»².

¹ Morris R. Cohen, A Preface to Logic, New York, 1945, p. 51.

² В. И. Ленин, Философские тетради, ОГИЗ, 1947, стр. 237.

Это отражение живой жизни в понятиях происходит своеобразно. Ленинская теория познания показывает, что своеобразие изображения явлений окружающей нас природы (в том числе и движения) в понятиях состоит в том, что мы прерываем непрерывное, огрубляем, омертвляем живое. Но прерывание непрерывного, огрубление, омертвление живого происходит не только тогда, когда изображаем эти явления мыслью, но и тогда, когда мы ощущаем их. «Изображение движения мыслью,—пишет В. И. Ленин,—есть всегда огрубление, омертвление,—и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.

И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: «единство, тождество противоположностей»¹.

Однако при ближайшем рассмотрении проблемы понятия у Джемса выясняется, что суть дела здесь не в теоретических доводах, а в том практическом значении, которое Джемс придает понятиям. Оказывается, что Джемс готов признать даже продукт так жестоко им же критикуемого интеллектуализма—общие понятия с прагматической оговоркой... если они будут полезными. То или иное понятие для прагматистов имеет лишь в том случае значение, если оно помогает в достижении определенных целей. Джемс прямо заявляет, что и религиозные понятия для прагматиста могут иметь значение и быть истинными, если они приносят пользу. Такое признание воочию показывает реакционную сущность прагматизма, как философии идеологического одурманивания масс, как философии оправдывающей все то, что выгодно империалистическим хищникам.

Другой основатель прагматизма—Шиллер—считает, что одним из наиболее спорных вопросов логики является природа смысла (the nature of meaning). Логика, согласно рассуждениям Шиллера, абстрагируясь от индивидуального смысла, который вкладывает каждый человек в употребляемые им слова, превращается в бессмыслицу. По мнению Шиллера, реальным является только тот смысл, который вкладывает каждый человек по своему усмотрению в слова, которыми пользуется он, а формальная логика не может заниматься этим реальным, индивидуальным смыслом. Поэтому Шиллер приходит к заключению, что «мы можем выбросить всю формальную логику, объявляя ее определенной чепухой...»².

Более того, оказывается, что вообще значения терминов не могут быть даже фиксированы, установлены. При попытке установить значение терминов обнаруживается, по мнению Шиллера, пропасть между словесными манипуляциями и реальным мышлением.

Итак, невозможно абстрагироваться от индивидуального смысла слова, невозможно определить, установить точный смысл терминов и вследствие этого невозможно существование понятий, как логических категорий. Таковы выводы, к которым приходит Шиллер.

Этот взгляд полностью совпадает с взглядом Джемса, который безоговорочный отказ от логического мышления основывает на отрицании

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 243.

² F. C. S. Schiller, *Must Philosophers Disagree?* London, 1934, p. 43.

познавательного значения абстракции, отрицание роли абстракции в логике.

Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию имеют неоценимое значение для разоблачения всех этих «теориек» англо-американских прагматистов.

В своих работах по языкознанию И. В. Сталин особенно подчеркнул роль абстрагирующей работы человеческого мышления, значение абстракции в науках.

Абстрагирование от конкретной формы изучаемого объекта является отличительной чертой многих наук. «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения»¹.

К числу таких наук И. В. Сталин относит также геометрию.

То же самое можно сказать и о логике.

Изучая понятия, правила определения понятий, способы их образования, выясняя отношение между содержанием и объемом понятий, определяя их виды, признаки и т. д., логика имеет в виду не конкретное содержание понятий, а отвлекается от всякой конкретности их содержания.

Логика дает правила для составления суждений, трактует о субъекте и предикате в суждениях, рассматривает отношения и виды суждений, логические операции над суждениями (обращение, превращение и т. д.), имея в виду не конкретные суждения с конкретным субъектом и конкретным предикатом, а вообще всякие суждения независимо от их конкретности.

Логика дает правила для составления умозаключений, правила о связях между посылками и заключением, указывает условия правильного вывода при данных посылках, имея в виду не конкретное содержание тех или иных посылок, того или иного вывода, а отвлекаясь от конкретности их содержания.

Именно благодаря тому, что мы отвлекаемся, абстрагируемся от конкретного и частного, и берем то общее, что является характерным для изучаемых объектов, формы и категории логического мышления приобретают огромное значение в деле истинного отражения объективной действительности.

С точки зрения третьего основателя прагматизма Джона Дьюи, понятия, как и все другие логические категории, вовсе не являются отражением объективной действительности. Он их сравнивает с инструментами и их ценность определяет тем, насколько понятия, как инструменты, могут быть полезными в достижении той или иной цели. Если какое-нибудь

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 21.

понятие помогает в достижении определенной цели, то такое понятие, по Дьюи, является хорошим инструментом, если же оно не помогает для разрешения определенной задачи, то такое понятие является непригодным инструментом и необходимо избавиться от подобных понятий.

На такой субъективно-идеалистической основе построена и реакционная социология Дьюи, которая является «теоретическим» обобщением и обоснованием империалистической политики монополистических кругов США.

Философствующие и иные прислужники империализма с помощью явных софизмов пытаются обмануть народные массы, твердя, что таким понятиям как «капитализм», «фашизм», «эксплуатация», «Уолл-стрит» и т. д. ничего не соответствует в действительности, что это лишь правдивые слова. Поэтому, заключают они, нет никакой необходимости бороться против капитализма, против фашизма, против Уолл-стрита.

Такого рода вымыслы англо-американских прагматистов обнаженно показывают классовые корни прагматических манипуляций о природе понятий.

Разглагольствование прагматистов о том, что двусмысленность и неясность в процессе мышления, в процессе передачи наших мыслей другим вполне закономерное явление и что оно обусловлено самой структурой мышления, структурой языка, является попыткой «теоретически» оправдать демагогические приемы политиканов и других представителей американского империализма. Как сообщает «Правда» от 5 июля 1952 г., нессызвестный Джон Фостер Даллес—слуга Уолл-стрита и поджигатель новой войны—выступая в связи с президентскими выборами 1952 года в США, с лиричной откровенностью объявил, что его главная цель—разработать такое неясное двусмысленное заявление, которое удовлетворило бы различные группировки в лагерях Тафта и Эйзенхауэра.

На сессиях Организации Объединенных Наций дипломаты агрессивного американско-английского блока сплошь и рядом прибегают к этому софистическому приему, объявляя неясными, двусмысленными такие политические понятия, как «поджигатель войны», «мир», «агрессия» и т. д.

Еще на второй сессии ООН советская делегация, чтобы обеспечить дело мира и сотрудничества между народами, внесла предложение о борьбе с поджигателями новой войны. Дипломаты американско-английского блока, в особенности делегации США и Англии, яростно выступили против советского предложения. Взяв под защиту поджигателей новой войны, представитель США Остин призвал «убить советское предложение». Чтобы выполнить наказ своего американского хозяина, дипломаты американско-английского блока прибегали ко всевозможным софистическим приемам и юридическому крючкотворству. Английский представитель Макнейл в своих рассуждениях договорился до того, что возражал против советского предложения, осуждающего пропаганду новой войны, все виды пропаганды, поощряющие агрессию, на том «основании», что де трудно определить, что такое «поджигательство войны», что такое «агрессия».

Специальный корреспондент ТАСС, сообщая об этом софистическом трюке Макнейля при обсуждении советских предложений о мерах против пропаганды и поджигателей новой войны, пишет: «что такое поджигательство войны?—философски спрашивал британский делегат, явно стремясь запутать ясный вопрос. Был ли, например, поджигателем войны Гарибальди? Макнейл, всячески жонглируя словами «агрессия», «агрессор», «поджигатели войны», старался показать, что все эти понятия совершенно неопределенны и расплывчаты»¹.

Все это неопровержимо доказывает, что писания философствующих прислужников империализма о якобы двумысленной природе всякого понятия, отрицание ими познавательного значения понятий не являются лишь чистой выдумкой умозрительной философии, а имеют свои социальные корни, являются «теоретическим» выражением империалистической реакции.

*

Стремясь к полному уничтожению логики, алогисты от критики понятия переходят к критике следующей логической категории, к критике суждения. Некоторые из них критике суждения придают особо важное значение. Это объясняется не только тем, что суждение, являясь одной из наиболее важнейших тем логики, вызвало появление огромной логической литературы авторов разнообразных философских направлений, но и главным образом тем, что обычно с суждением непосредственно связывают вопрос об истинности или ложности наших высказываний. Прагматист Шиллер не без злобы против логического мышления пишет, что «суждение есть центральный фокус, где сходятся все пути логического исследования, решающий пункт, где борющиеся логики встречаются, чтобы дорести до конца свои расхождения во мнениях, и поворотный пункт, откуда они расходятся в плодотворность или в бесплодность». Поэтому Шиллер пытается разбить «центральный фокус» логики, уничтожить суждение. Для достижения этой цели он прибегает к разным средствам. Например, он пытается доказать бесполезность суждения... с биологической точки зрения. По мнению Шиллера, человек, как биологическое существо, большую часть своей жизни проводит без размышления и, следовательно, редко когда прибегает к суждениям. Как правило, «рассуждает» Шиллер,—человек больше верит своим чувствам, чем логическим способностям. «Даже в высокоразвитых умах суждение является сравнительно редким случаем в мышлении, а мышление—в жизни, скорее исключением, чем правилом и сравнительно недавним приобретением». И далее: «Органическая жизнь может развиваться вполне без мышления».

Однако сам Шиллер чувствует, что ему не удастся свести на нет познавательное значение суждения с помощью только «биологических» аргументов. Он вынужден считаться с тем, что суждение все-таки при-

¹ „Правда“ от 29 октября 1947 г.

меняется в практике людей и поэтому для Шиллера возникает необходимость умалить значение суждения иными способами—с помощью «логических» аргументов. С этой целью Шиллер выдвигает следующий «довод»: подобно тому, как каждое слово выражает несколько значений (смотря по тому, что выгодно выразить автору, произносящему данное слово), так и суждения, в которых сочетаются слова, имеют множество «смыслов», и поэтому всякое суждение вне контекста всегда является двусмысленным.

Следует особо отметить, что неоднократные утверждения алогистов о том, что реальный смысл суждения приобретает только и только в контексте, ничего общего не имеют с единственно правильным марксистским пониманием значения контекста, который всегда является определяющим для выяснения точного смысла того или иного суждения. По сути дела у американско-английских алогистов контекст является таким же двусмысленным, как и отдельно взятое суждение или понятие. Ведь контекст, по их воззрениям, составлен из двусмысленных суждений. Поэтому алогисты в итоге приходят к заключению, что смысл как отдельно взятого суждения, так и контекста в целом можно выяснить, зная лишь замысел автора, причем этот замысел может и не быть раскрытым в контексте.

Итак, не только понятия и суждения, по мнению англо-американских философствующих алогистов, являются двусмысленными, но и сам контекст. Лишь зная замысел автора, можно судить, что он хотел сказать в данном контексте, а замысел же может и не быть раскрыт в контексте и может измениться в соответствии с создавшимися обстоятельствами. «Поэтому, как всякое понятие, так и всякое суждение (а следовательно, и любой контекст), по мнению Шиллера, должны иметь больше, чем одно значение. Это он считает бесспорным, и всякую логику, которая считает иначе, он называет чепухой. «В результате,—пишет он,—имеется по меньшей мере столько «смыслов», сколько сторон в дискуссии, и «логика», которая касается лишь «единственного смысла» его, беспокоится только о несуществующем».

По «индивидуалистической логике» Шиллера суждение само по себе, без знания замысла автора, не истинно и не ложно, оно нейтрально.

Таков же взгляд и другого алогиста—Джона Дьюи. Последний в своей «Логике» („Logic. The Theory of Inquiry“) суждение сравнивает с средствами. Он рассматривает суждение как средство для достижения определенной цели. Подобно средствам, которые не являются «ни истинными и ни ложными, истинность или ложность не является свойством суждения. Средства являются эффективными или неэффективными, относящимися к делу или не относящимися к делу, экономными (бережливими) или расточительными», пишет Дьюи.

«Теория» англо-американских прагматистов о двусмысленности любого суждения, любого высказывания неизбежно приводит к стиранию всякой грани между противоположными, между противоречащими суждениями. Весьма характерно, что современные буржуазные естествоиспытатели

тели, как только пытаются из описания фактов перейти к их объяснению, к обобщению, то данным науки дают сознательно идеалистическую интерпретацию. В этих случаях нередко они пользуются «доводами» англо-американских алогистов прагматического направления.

Известный физик Эйнштейн, который является проповедником махизма в физике, вместе с Инфельдом в книге «Эволюция физики» пытается доказать совместимость следующих двух противоречащих суждений: «Солнце покоится, а земля движется» и «Солнце движется, земля покоится».

Если стоять на такой точке зрения, то исчезнет всякая разница между такими взаимно исключающими суждениями, как, например, «правящие круги Соединенных Штатов Америки являются поджигателями войны», и «правящие круги Соединенных Штатов Америки являются сторонниками мира». Легко видеть, что это означает не что иное, как выдавать черное за белое. Такого рода истолкование суждения в первую очередь выплняет определенную политическую задачу, что и легко можно показать на одном из многочисленных примеров, взятых из практики современной дипломатической борьбы.

Известно, что Советский Союз на многочисленных заседаниях ООН неоднократно выступал с конкретными предложениями по запрещению атомного оружия. Однако справедливые требования Советского Союза, выражающие чаяния миролюбивых народов всех стран, всегда наталкивались на упорное сопротивление дипломатических агентов американо-английского реакционного блока. И это понятно, так как платные агенты американского монополистического капитала—дипломаты американо-английского блока—не только не заинтересованы в запрещении атомного оружия, но, наоборот, стремятся во что бы то ни стало всячески содействовать широкому производству атомного оружия, как средства массового истребления в новой, ими подготовляемой, войне. Однако, страшась общественного мнения, прекрасно зная, что народы мира не хотят новой войны и требуют запрещения атомного оружия, американо-английские дипломаты для маскировки своих целей прибегают к самым неожиданным словесным фокусам. Так, в 1948 году американо-английские дипломаты сфабриковали так называемую бельгийскую резолюцию об атомном оружии, которая была выдвинута за сохранение атомного оружия. В то же время они заявляли, что нет никакой разницы между бельгийской резолюцией (призывающей сохранить атомное оружие) и советской резолюцией (категорически требующей запрещения атомного оружия). Разоблачая словесную махинацию американо-английских дипломатов по данному вопросу, А. Я. Вышинский с глубокой иронией заметил: «...оказывается, когда одни говорят—запретить бомбу, а другие—сохранить атомную бомбу, то разницы между этими позициями никакой в принципе нет»¹.

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», часть II, Госполитиздат, 1951, стр. 362.

Можно привести множество примеров аналогичных разглагольствований со стороны представителей американо-английского лагеря как из области современной дипломатической практики, так и из области теории международного права.

Все это является неопровержимым доказательством того, что алогисты разных направлений американо-английской реакционной философии выполняют не что иное, как требование своих хозяев, когда развивают свою концепцию о двусмысленности любого суждения, любого высказывания, когда пытаются софистически отрицать разницу между противоположными, противоречащими суждениями.

* * *

Отрицание алогистами познавательного значения понятия и суждения, как форм логического мышления, предопределяет и отрицание ими познавательного значения умозаключения и в частности силлогизма.

Первый порок силлогизма, по мнению Шиллера, заключается в том, что посылки в силлогизме иногда не могут быть «абсолютно истинными», они всегда являются гипотетическими.

Выходит, что если в качестве посылок у нас имеются следующие суждения: «Все люди смертны. Сократ человек», то ни одно из этих и им подобных высказываний не является «абсолютно истинным», а является лишь гипотетическим. Оказывается, что может быть не все люди смертны и что может быть Сократ не человек. Кто знает замысел высказывающего это суждение? Ведь каждое суждение, по мнению алогистов типа Шиллера, может иметь столько значений, сколько будет спорящих сторон, сколько мотивов, сколько целей. Так что первое возражение Шиллера против силлогизма основано на его плюралистической точке зрения на природу суждения.

Затем, если посылки в силлогизме могут быть только гипотетическими суждениями, скажем: «Если все люди смертны, и если Сократ человек», то заключение лишь утверждает истину, которая дана в посылках лишь в гипотетической форме.

Далее, Шиллер возражает против «ценности силлогизма» на том «основании», что средний термин в силлогизме всегда может удвоиться, т. е. в процессе силлогизирования всегда произойдет учетверение терминов, и поэтому полученный вывод всегда окажется двусмысленным. Это тоже не новый довод. Он основан на шиллеровской плюралистической точке зрения на природу понятия.

Однако, если вышеизложенные «теоретические» доводы Шиллера против познавательного значения умозаключения вообще и в частности силлогизма не могут представлять никакого интереса и полностью вытекают из его доводов против познавательного значения понятия и суждения, как форм логического мышления, то его некоторые соображения политического характера, вынуждающие Шиллера восстать против силлогизма, представляют определенный интерес. Именно эти политические

соображения полностью проливают свет на то, почему американско-английские алогисты воюют против познавательного значения форм и категорий логического мышления. В этой связи несомненный интерес представляет статья Шиллера—«Являются ли все люди смертными?» В этой статье Шиллер снова возвращается к следующему силлогизму: «Все люди смертны, Сократ человек, Сократ смертен». Снова здесь появляются избитые аргументы Шиллера о том, что посылки в данном силлогизме, как и вообще во всяком силлогизме, не являются обязательно истинными, что они носят гипотетический характер и, следовательно, заключение также не носит обязательно истинный характер, что нельзя утверждать: Сократ смертен и т. д. и т. п. Но чтобы все это было более «убедительным», Шиллер вдруг призывает отбросить этот тривиальный пример о смертности Сократа и взять живого человека, скажем... Муссолини. И Шиллер патетическим тоном спрашивает: разве мы можем на основании того, что люди, которые когда-либо умерли и являются мертвыми, действительно и неоспоримо заключать, что Муссолини умрет когда-нибудь? Вот какие «доводы» бывают против силлогизма! Но Шиллер дальше «подкрепляет» свои доводы. Оказывается, что, по мнению Шиллера, Муссолини может преодолеть даже смерть (отметим, что об этом Шиллер писал, когда палач итальянского народа Муссолини не был еще казнен народными мстителями). «Почему он не должен положить начало новой линии в биологии, как в политике?», спрашивает этот апологет фашизма из английского университета. Ведь, по мнению Шиллера, мог бы найтись какой-нибудь фашистский профессор физиологии, который открыл бы новое лекарство или способ предотвратить смерть и тогда кто может сказать, что Муссолини умрет, кто может утверждать верность силлогизма. «Все люди смертны, Муссолини человек, Муссолини смертен». И далее торжественно Шиллер заявляет: «Давайте, следовательно, быть скромными. Давайте честно признаемся, что мы не знаем, будут ли все люди всегда нуждаться в характеристике их как «смертных», и что во всяком случае никакое подобное заключение не может быть действительно извлечено из формальной логики».

Вот, оказывается, почему выбрасывается силлогизм Шиллером и ему подобными фашиствующими алогистами. Маска сорвана. Алогисты сами выболтали правду об истинных целях своей борьбы против человеческого разума, против мышления, против логики, разоблачив себя как открытых защитников фашизма. Не случайно, что главарь итальянских фашистов Муссолини прагматизм считал одним из теоретических источников своей идеологии.

Нет ничего удивительного после всего сказанного, что американско-английские алогисты приходят раз и навсегда к отрицанию всякой значимости таких общечеловеческих законов логического мышления, как законы тождества, противоречия, исключенного третьего и т. д. Шиллер называет их не больше чем фикциями. Неудивительно также, что тот же

¹ „Mind“, XLIV, № 174, April 1935, p. 208.

Шиллер, который особенно отличается своими циничными нападками на способность человеческого мышления, с серьезным видом ставит под сомнение, что $2 \times 2 = 4$.

Что же поделаешь, если это—требование американских хозяев из Уолл-стрита? Ведь не кто иной, как дипломаты американско-английского блока на третьей сессии ООН, в связи с советским предложением о сокращении вооружений и вооруженных сил пятью великими державами на одну треть в течение одного года, заявили, что они не понимают, что что значит 1/3.

Поэтому совершенно естественно, что если классовые интересы эксплуататорских классов требуют устранения аксиом, правил и законов логики или математики, то дипломированные лакеи империалистической реакции готовы «доказать» бесполезность, бессмысленность этих законов, правил, аксиом и т. д.

По всем этим субъективно-идеалистическим вымыслам американско-английских прагматистов наносит сокрушительный удар новое классическое произведение И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». И. В. Сталин показал, что законы науки и, следовательно, законы и правила логики, являются объективными, независимыми от воли людей. «Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их»¹. Отрицание объективного характера законов науки ведет к отрицанию возможности сознательного использования законов науки в интересах общества.

Отрицая объективный характер и познавательное значение категорий логики, проповедуя иррационализм, алогизм, этим самым философские орудия американо-английских поджигателей войны всячески содействуют выполнению идеологического плана заправил американо-английского блока—одурманить сознание народов, оболванить их и обеспечить их участие в новой мировой войне.

Поэтому в деле разоблачения преступных махинаций поджигателей новой мировой войны очень важную роль играет и разоблачение всяких «теориек» их философствующих прислужников, в том числе «теоретических» умствований американо-английских алогистов, «обосновывающих» всякую ложь и софистику своих господ.

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 4.